

Иск. новости. - 1997. - 7-14 дек. - с. 20

Марк Пикарский

Импровизатор

УДАРНЫЕ

Одним из наиболее ярких событий недавно завершившегося фестиваля «Московская осень» стал концерт ансамбля ударных под управлением Марка ПЕКАРСКОГО.

Когда Джон Кейдж эпатировал публику дюжиной орущих радиоприемников и четырьмя с половиной минутами вселенской тишины, юный Марик Пикарский ходил в городской Дворец пионеров играть на барабанах. О том, что было дальше, рассказывает сам Марк Ильич.

— В 1966-м или в 1965-м я поступил в Гнесинский институт, откуда меня чуть не выгнали за непосещение военной подготовки или физкультуры, не помню. Зато прекрасно помню выступление в Институте Курчагова, где я играл концерт Денисова для флейты, гобоя, фортепиано и ударных. Слышал там Лидию Давыдову, еще молоденькую совсем певицу. Она пела современную музыку — Веберна, которого тогда только-только узнали. Я-то считал, что существует только Вебер, оказалось, Веберн тоже есть...

После концерта я подумал, что на этом все и закончилось, как вдруг был приглашен домой к Денисову, который просил называть его Эдиком и дал послушать кое-что из современной западной музыки. Потом спросил: «Ну что, понравилась музыка?» — а я не знал, что ответить и надо ли отвечать вообще...

Какие-то божественные звуки с тысячью оттенков!.. Я был совершенно потрясен и подавлен. Я понял, что в этой стране ничего подобного не найти. Это не значит, что я не уважаю российскую исполнительскую школу. Нет, она прекрасна, но просто отстает в своем развитии лет так минимум на пятьдесят. Минимум!

Ансамблю Пикарского 21 год. Марк Ильич охотно вспоминает, как начиналась музыка для ударных, и объясняет, почему она до сих пор не кончилась. Рассказывает о балете «Антигона», совместном проекте с Сергеем Бобровым, молодым балетмейстером из Большого. Премьера состоялась в Театре Пушкина, а недавно Пикарский вместе с балетом ездил в Испанию, где «Антигоной» восторгались примерно так же, как корридой.

— Ансамбли ударных существовали и до моего. Ведь Россия — родина слонов, как известно. И первый слон, первое сочинение для ударных появилось не на Западе, а у нас — «Антракт» из оперы Шостаковича «Нос». Было это в 1928-м, так что к следующему, юбилейному для ударных году мы готовим специальную программу. Нечто вроде ретроспективы, но это пока тайна.

В 1931-м к спектаклю Таирова «Египетские ночи» в Камерном театре с легендарной Алисой Коонен Прокофьев написал сцену «Тревоги». А потом... Потом все прекратилось, и дальше Римского-Корсакова мы ничего не должны были знать. На Западе же процесс продолжался.

Гороскопами тогда не увлекались, но теперь Марк Ильич любит напоминать, что по году он Дракон, который все сжигает и строит заново, а по знаку — упрямый Козерог.

— Я не стал играть в Большом симфоническом оркестре, потому что, попав туда, бросить его я, наверное, уже бы не смог. Платили там очень хорошо, а для меня это было существенно: папа — инвалид войны, и мы всегда жили очень трудно. Я бросил другой радиооркестр, затем еще один, оперный. На это было легче решиться, потому что музыка была преподанная, бесконечные советские оперы. Помню «Оптимистическую трагедию» Холминова, там слова были замечательные: «Попрелободеем, попрелободеем, товарищ представитель Центра-о-хо-хо-хо-хо...», и ария комиссара: «Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела? Подходи!» — выстрел и литавры. Она поет: «Я женщина здоровая, когда надо — устроюсь!» — и

р-р-р-р на литаврах, а Хайкин, замечательный Хайкин за дирижерским пультом говорил: «Я прошу не путать вторую букву моей фамилии!..»

Потом наступило время, когда наши композиторы стали искать счастья в других странах, полагая наивно, что их ждут с распростертыми объятиями: своих-то композиторов там нет, своей музыки нет, своей культуры тоже. Вот русские придут и откроют глаза западным людям. Не тут-то было. Композиторы эти там либо исчезают, либо начинают думать о деньгах, а не о музыке...

Для тех же, кто действительно думает о музыке и сочиняет ее, тем более авангардную, ансамбль Пикарского — находка. Что ни концерт у него — то премьера, что ни фестиваль — открытие новых имен.

— Без ложной скромности скажу: я инспирировал появление многих произведений... Ведь если музыкант заказывает вещь и действительно исполняет ее, это серьезный стимул для композитора. Моей заслуги тут нет — должен же я что-то играть...

С Альфредом Шнитке получилось иначе. Мы были знакомы давно, но он долгое время ничего не мог написать для ударных. В году, по-моему, 80-м он все-таки сочинил «Lebenslauf» («Жизнеописание»). Автобиографическое произведение, которое очень хорошо по форме придумано: в каждой цифре — здесь цифры являются формообразующим фактором — было по 12 тактов, то есть по 12 месяцев, 48 цифр — 48 лет. Все построено на цитатах, все шло в сопровождении метронома, который сперва давал довольно спокойный темп, потом на фоне первого метронома включался второй, третий, четвертый, а фортепьяно отбивало аккордом конец года... Череда цитат ускорялась, увеличивалась количественно, а затем все переходило в такую дику молотилку, из которой трудно выбраться... Шнитке было тогда 48 лет.

Пикарский дирижирует ансамблем, виртуозно играет на десятках инструментов, с легкостью импровизирует... А после концерта еще и преподает молодым ударникам в консерватории. Когда его спрашивают, кем он себя ощущает, Пикарский глубоко задумывается.

— Композитором? Пожалуй, нет. Я ощущаю себя композитором в том смысле, что концерт сочиняю, беру, подобно народным искусникам, лоскутки, соединяю, спиваю их... Педагогом? Нет. Я и учу не как все. Научился бить в барабан — изволь это сделать на практике. На самом деле нужно знать немножко историю инструмента, немножко о его возможностях и очень много о том, как он устроен и что делать, если инструмент сломался, как ему помочь, как его полечить.

Я много пишу об ударных, склонен даже заниматься какими-то исследованиями. Но ощущаю ли я себя исследователем? Нет. Скажу вам совершенно честно и откровенно, что я понятия не имею, кем я себя ощущаю.

Композиции на тексты Хлебникова и Хармса давно и прочно прижились в репертуаре Пикарского. Из ныне здравствующих литераторов Марк Ильич активно сотрудничает с Дмитрием Приговым, который и сам периодически принимает участие в концертах ансамбля. Концерты эти, несмотря на присутствие нот, производят полное впечатление импровизации. Импровизация плюс искрометное, абсолютно не свойственное академической музыке шоу — магнит, который притягивает публику на выступления ансамбля. Выбор Пикарского в чем-то понятен: под Пушкина не симпровизируешь. И потому — не Пушкин, не Тютчев. Не Моцарт и не Бетховен... Но, похоже, Марк Ильич не согласится с таким суждением. У него своя концепция искусства импровизации.

— Лет 200 — 300 назад автор и исполнитель существовали в одном лице, и композитор вообще не обязан был записывать свое произведение, он писал для себя — либо придумывал и записывал, либо продумывал идею, а потом ее обыгрывал в концерте или, как Бах, на церковной службе... Тоже импровизация...

Когда Стравинский говорил, что от музыканта ничего не требуется, кроме точного исполнения, он кривил душой, потому что абсолютно точно исполнить невозможно. Гилельс и Горовиц играли совершенно разных Шопенов...

Виртуоз-саксофонист Александр Пищиков и виртуоз-перкуссионист Марк Пикарский много слышали друг о друге, но знакомы не были. Встреча их была сродни бурному роману, плодом которого стал альбом «Избранные впечатления от путешествия в никуда». Пикарский остался очень доволен путешествием в джаз.

— Встреча с Пищиковым меня не пугала — мы с ним репетировали раза два. По телефону. Страшно любопытно, когда с человеком не надо договариваться о чем бы то ни было. Сидишься — и само выходит... Я недавно еще раз это послушал — получилось очень интересно. Не знаю, насколько удачен мой вклад...

Ян ШЕНКМАН,
Клим КОЛОСОВ

396